

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце—вверху, внизу—Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потёртой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено—ноги крепки,
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя гнётся, странно темна,
Гнётся и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов—короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка её платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука чёрных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Урюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетёт и гнетёт—
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь жёлтые зубы нить ведёт.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах всё один, один—
Как будто полки пауков прядут
Струну ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И жёлтой пеной горит платок,
И синим огнём пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них—и сразу
В глазах косых—Алтай, снега,
Змеинные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит—
Жёлтым огнём полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча тёмных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!
Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Чёрной чечёткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берёт,
Урюмо и жёстко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

1919